

Тыну40k
Goblina

окопка.ру

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

ГЛЕБ БОБРОВ

**ЭПОХА
МЕРТВОРОЖДЕННЫХ**
АНТИУТОПИЯ, СТАВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

18+

Разведопрос

Глеб Бобров

**Эпоха мертворожденных.
Антиутопия, ставшая
реальностью. Предисловие
Дмитрий Goblin Пучков**

«Питер»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Бобров Г. Л.

Эпоха мертворожденных. Антиутопия, ставшая реальностью.
Предисловие Дмитрий Goblin Пучков / Г. Л. Бобров — «Питер»,
2020 — (Разведопрос)

ISBN 978-5-4461-1585-3

«Эпоха мертворожденных» Глеба Боброва – сбывшаяся антиутопия с ошеломляюще точным количеством попаданий в предугаданную реальность. Автор, что называется, зрил в корень, угадав «послемайданную» реальность до прямо-таки пугающих подробностей. Украина разваливается на несколько частей, в Донецке и Луганске начинается настоящая гражданская война, западный мир поддерживает Центрально-Украинскую Республику, Россия негласно помогает Донбассу, информационное пространство заполнено фейками. Между тем книга была написана за семь лет до событий и издана первый раз в 2008 году. Роман brutalный. Настоятельно рекомендую к прочтению. Дмитрий Goblin Пучков

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-4461-1585-3

© Бобров Г. Л., 2020
© Питер, 2020

Содержание

Антиутопия, ставшая реальностью	6
Глава I	7
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глеб Бобров, Дмитрий Goblin Пучков

Эпоха мертворожденных.

Антиутопия, ставшая реальностью.

Предисловие Дмитрий Goblin Пучков

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «РАЗВЕДОПРОС», 2020

© Глеб Бобров, Дмитрий Goblin Пучков, 2020

Антиутопия, ставшая реальностью

Часто пытливые граждане задают вопрос: «А что будет, если?..» Если придут к власти демократы-партократы-инопланетяне-геи-каракатицы и прочие зомби. В какой-то мере ответ на этот вопрос предлагают антиутопии – фантазии о негативном будущем. Тут уж каждый дает волю фантазии, и прогноз получается, как нетрудно догадаться, весьма пугающим. Задача писателей как раз и заключается в том, чтобы посредством мрачного прогноза напугать и предостеречь современников.

Действительность до фантастической антиутопии, как правило, «недотягивает». Однако бывают исключения. «Эпоха мертворожденных» Глеба Боброва – именно такая сбывшаяся антиутопия с ошеломляюще точным количеством попаданий в предугаданную реальность. Вы убедитесь в этом сами, прочитав роман.

Как оказалось, Бобров, что называется, зрил в корень. Действительность не только осуществилась как по писаному, но что уж совсем никогда не случается – мы с вами дожили до воплощения этой антиутопии и она стала реальностью на наших глазах.

Бобров угадал «послемайданную» реальность до прямо-таки пугающих подробностей. Между тем книга была написана за семь лет до событий и издана первый раз в 2008 году.

Роман начинается с того, что Украина разваливается на несколько частей: от нее уходит Крым, отделяется Донбасс, другие территории. И если в Крыму и на других территориях все обошлось без крови, то в Донецке и Луганске начинается настоящая гражданская война – с линией фронта, танковыми клиньями, минометными и артиллерийскими обстрелами, минными полями и окопами. Западный мир поддерживает Центрально-Украинскую Республику, Россия негласно помогает Донбассу военспецами и техникой. Информационное пространство заполнено фейками.

Некоторые совпадения просто поражают: например, в книге упоминается глава непризнанной Донбасской республики, который погибает в результате теракта.

Когда роман был опубликован, критические голоса раздавались и на, условно говоря, «нашей», и на «их» стороне. Никто не хотел верить в худшее.

Роман brutalный. Но стиль этот выбран писателем сознательно. Чтобы напугать обывателей и всяческих активистов – всех, участвующих в создании этого хаоса и раздора.

Реальность, описанная Бобровым и теперь уже воссозданная наяву, – это закономерное воплощение националистической «украинской мечты», в которой все москаляки развешаны каждый на своей гиляке, а «правильные украинцы» радостно скачут на площадях.

Что тут скажешь? «Несть пророка в отечестве своем».

Эта книга – предупреждение и для нас, поскольку Россия тоже не застрахована от похожего сценария. Да и война на Украине – в этом мало кто сомневается – на самом деле и есть битва за Россию, за русскую культуру, за русскую цивилизацию.

Настоятельно рекомендую к прочтению.

Дмитрий Goblin Пучков

Глава I Изварино

*Протезы придуманы для того, чтобы вы, двуногие, могли
смотреть нам в глаза.*

Павел Андреев

Ночью прошел дождь. Фронт тумана, заворачиваясь в рваные седые космы и покрывая траву новым слоем водяного бисера, весело стелился над самой землей. Резвое осеннее солнышко старалось на совесть, но утренняя ознобистая прохлада, подгоняемая порывистым крученым ветерком, все еще боролась с нарождающимся днем.

Центральная опора таможенного разделителя, превращенная ныне в импровизированный флагшток, пьяным органом гудела всеми своими трубами; отяжелевшие флаги, мокро хлопая бахромистыми краями, вновь схлестнулись врукопашную.

Зажатый с двух сторон жовто-блакитный стяг Центрально-Украинской Республики с непропорционально большими «вилами»¹, намалеванными от руки в верхнем правом углу, отбиваясь на два фронта, попеременно хлестал своих соседей. Жиденький нейлон, висевшая лохмотьями кустарная прострочка и стиснутое стратегическое положение не оставляли новичку никаких шансов на решительное сопротивление или хотя бы на достойную сдачу.

Бело-красное полотнище польского контингента Сил оперативного развертывания Евросоюза упрямо и монотонно било слева направо по своим соседям, временами пытаясь опутать и потушить собой портянку ЦУРа. Добротный сетчатый полиэстер давал ощутимое преимущество в скорости и резкости удара, а широкий, еще не сильно обтрепанный кант и большая по сравнению с ближайшим соседом длина позволяли рассчитывать если не на удачный захват, то как минимум на серьезный контроль ситуации.

Роскошный российский триколор долго не вязывался в разыгравшуюся баталию. Свисая на полметра ниже остальных своим тяжелым, за ночь и туманное утро налитым влагой шелком, он поначалу, надувая парусом многослойное тело, неодобрительно отталкивал расшалившихся соседей да иногда нехотя отпускал тяжелые оплеухи особо ретивым.

Когда же польский и цуровский двухцветники разошлись не на шутку и, ускорившись под порывами ветра, яростно забились, закручивая друг друга в жгуты, триколор тоже ожил. Медленно встав на крыло и развернувшись во всю ширь, он, выгнувшись дугой, поплыл, наращивая скорость, по воздуху и, разогнавшись словно кнут, с оглушительным треском припечатал оба флага к трубам, залип в этом положении, обернувшись вокруг флагштока и похоронив под собою обоих смутьянов.

Опора гулко вздрогнула, и в наступившей тишине мелькнули лишь брызги да прыснувшие вниз желто-голубые лоскуты.

* * *

Человек, стоя куривший у колючей проволоки, при всем желании не смог бы оценить весь драматизм развернувшейся битвы – из сектора специзолятора Изваринского фильтрационного лагеря территория таможни не просматривалась. Захватив площади бывшей санитарной зоны, разрастаясь, лагерь своими палаточными секторами и внутренним периметром специзолятора

¹ «Вилы» – презрительное наименование Трезубца – герба Украины. Термин вошел в употребление с началом Размежевания.

– всем брюхом – влез еще и на пепельно-дымчатую породу гаревого поля, оставшегося от некогда раскатанного бульдозерами шахтного террикона.

Да и рассматривать там особо по большому счету нечего. Единственное, что свидетельствовало об измененном статусе таможни, так это два бронетранспортера, стоящие друг напротив друга за шахматной змейкой бетонных блоков у разрушенного шлагбаума на въезде: БТР², упершийся в даль стволом КПВТ³, – с российской стороны да образцово вылизанная AMVешка⁴ польского контингента СОР ЕС⁵, месяца два как организовавшего свой пост со стороны подконтрольной мандату миротворцев территорий никем не признанной Восточной Малороссии.

Накинув на камуфляжную футболку потертый, но чистый солдатский бушлат, мужчина наслаждался утренней свежестью, сбивал пепел сигареты о колючку и исподволь следил за приближающимся нарядом. Шли за ним. Капитан с петлицами внутренних войск на полевой форме, четверо вооруженных солдат в линиялом х/б и один сержант-сверхсрочник – с красной повязкой на рукаве да оттянувшей ремень тяжелой кобурой. Выкинув сигарету, арестант надел бушлат в рукава, застегнул несколько пуговиц и спокойно подошел к входу в палатку, как раз напротив двери шлюза.

– Кирилл Аркадьевич Деркулов... – сверяясь глазами с припиленным на планшетку бланком, отдельно произнес капитан. Голос ровный и без эмоций, по тону совершенно нельзя понять – спрашивает он или утверждает. Тем паче что вопрос был чистой проформой – в специзляторе, в отличие от самого лагеря, содержался единственный задержанный, которого вот уже почти неделю, два раза в день, как на работу, наряд доставлял в один из вагончиков бывшей таможни и таким же порядком сопровождал обратно.

– Так точно! – негромко, но уверенно ответил мужчина.

– Следуйте за нами. Руки за спину. Ни с кем не разговаривать. Выполнять распоряжения наряда безоговорочно... – В голосе офицера по-прежнему привычно отсутствовали какие-либо интонации, хотя глаза его выражали скорее симпатию, нежели безучастность.

Окончив регламентированный ритуал, наряд выстроился и, словно в цирке, двинулся по арке проволочного коридора сквозь лагерь. Впереди шел сержант и двое солдат. За ними Деркулов. Сзади его подпирали остальные бойцы. Замыкал процессию капитан с железными нервами.

Обитатели изваринской «фильки» давно вышли из палаток и с интересом наблюдали за привычным эскортом. Во всем этом присутствовал, естественно, какой-то элемент игры, борьбы с праздностью, но было еще и нечто иное.

Во всех секторах нашлись люди, вплотную подошедшие к проволоке ограждения своих зон. Все они выглядели ощутимо более заинтересованными происходящим, чем те, кто просто созерцал разбавляющий лагерную скуку спектакль. Даже их внешний вид и, что еще важнее, некая неосязаемая отметина – неуловимое во взгляде, повадках, вообще в том, как они себя держали, – заметно отличали их от большинства.

Тридцать метров от конвоя до внутренней колючки внезапно перекрыл растянутый рык:
– Равняйся! Смирно! Равнение – на комбата!

² БТР – сокращение от «бронетранспортер», общее наименование семейства колесных боевых машин, стоявших на вооружении СССР, а также постсоветских республик и стран бывшего Варшавского договора. Сленговые наименования – «бэтэр», «коробочка», «броня».

³ КПВТ – крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый, калибр 14,5 мм.

⁴ AMVешка (от аббревиатуры AMV) – модульный бронетранспортер, стоявший на вооружении некоторых стран блока НАТО, в том числе Польши.

⁵ СОР – Силы оперативного развертывания Евросоюза. Реально свои контингенты отправили только часть государств – вновь принятых членов ЕС Восточной Европы.

Народ подтянулся. Те, кто в головных уборах, – отдали честь. Остальные тоже как-то, но отреагировали – кто сигарету изо рта вынул да опустил, кто разговор прервал, кто просто голову повернул. Во всяком случае, все смотрели на идущих.

Деркулов глянул и, благодарно прикрыв на мгновение глаза, коротко кивнул.

Где-то в самом центре палаточного городка чистый сильный голос затянул:

*Ще не вмэрла эта сицко —
зрада, и подляна...*

Мелодия «Гимна Нэпокори»⁶ полностью совпадала с музыкой Гимна Украины и ее законной правопреемницы – Центрально-Украинской Республики, а вот вариантов глумливого парафраза существовало бесчисленное количество. Тот, что звучал сейчас, например, – откровенно изобилдовал непристойностями.

Начальник караула с не проявленным вовне удовольствием прослушал первый куплет и на припеве, потушив глаза, почти дружески попросил:

– Кирилл Аркадьевич! Уймите народ!

Сдержанно улыбнувшись под ноги, Деркулов оторвал руку из-за спины, растопырил ослабленную ладонь и, словно проведя по воображаемой крышке стола, погладил воздух.

Пока песня каскадами затухала, капитан имел возможность насладиться разухабистым содержанием второго куплета.

* * *

В вагончике тепло, светло и даже как-то уютно, невзирая на лаконичное убранство: Т-образный совдеповский стол под добротным желтым лаком, несколько деревянных стульев явно гарнитурного происхождения, приспособленный под чайный столик кургузый сейф, напоминавший Деркулову почему-то задницу бегемота, да масляный радиатор в углу. Все дело, скорее всего, было в столь узнаваемых кухонных обоях в мелкий сиренево-розовый цветочек и в откровенных до примитива занавесочках в такой же ситец-пеструшку. Даже отсвечивающий благородным титаном ноутбук на столе и присутствие двух полковников с грозными знаками военной прокуратуры не могли заглушить неистребимого бабского обустройства, оставшегося от прежних хозяев походного кабинета.

Вне всяких сомнений, только что закончился непростой разговор. Сравнительно молодой, демонстративно вышколенный и выскобленный до свинцового блеска статный полковник стоял у стола. Нажав пару клавиш, он коротким движением закрыл крышку компьютера, переложил пластиковую раскладушку с бумагами в сейф, закрыл его на ключ и, сняв с гвоздя фуражку, вышел на улицу. Зажатый в трубу взгляд, рапирой прошедший сквозь Деркулова, и отчетливый нервный румянец на скулах красноречиво свидетельствовали о сложной внутрикорпоративной жизни военной прокуратуры.

– Садись ближе, Кирилл Аркадьевич... – густым низким голосом сказал второй. – Чайку попьем, разговоры разговаривать будем. Глядишь, до чего путного и договоримся.

Деркулов, подвинув стул, сел напротив приоткрытого окна через столешницу от стула полковника. Тот же, встав, готовил чай – охотничьим перочинником откромсал от лимона две такие дольки, что лимон укоротился ровнехонько до половины, кинул по два пакета чая и по

⁶ «Гімн Непокори» (укр.) – Гимн неповиновения. Появился вскоре после начала вооруженного противостояния Восточной Конфедерации и Центрально-Украинской Республики. Впервые был анонимно опубликован в интернете. Авторство неизвестно.

десертной ложке сахара, залил оба стакана кипятком и, поставив их в алюминиевые, чуть ли не железнодорожные подстаканники, вернулся на свое место.

– Как у тебя с сигаретами? – спросил прокурор, подвигая пепельницу и закуривая сам.

– Спасибо, пока есть.

– Ну, на тогда, чтоб не «пока»... – через стол плавно переехал блок «Князя Владимира».

«Курево покрутелo вдвое!» – отметил про себя Деркулов и, переложив подарок на боковую столешницу, полез в бушлат за своей пачкой.

Полковник, внимательно изучая кончик лезвия не убранного сразу складника, исподволь поглядывал на своего подопечного. Деркулов, прихлебывая чай, старательно паялся в окно, за которым с интервалом в полминуты методично проплывал примкнутый штык-нож караульного.

По-хорошему, они походили на два платяных шкафа или несгораемых сейфа, поставленных через казенный стол друг напротив друга. Разных во всем, но одинаково громоздких, тяжелых, с плотно закрытыми дверцами и запертыми на секретные замки ящиками своего нутра. И обоим край как требовался доступ к содержимому другого. Ну, это если по сути. Внешне они, конечно же, различались весьма существенно.

Если Деркулов выглядел мужиком, которому под полтинник или около того, то полковнику Нагубнову можно было смело дать все крепкие шестьдесят. Но тут был совсем не тот возраст, когда начинаются мысли о тяге к земле, той, к которой пора привыкать, и о банальном геморрое. При почти метре девяносто да полутора центнера литого чугуном веса он совсем не казался тучным и пожилым. Напротив!

Деркулов, уступавший ему всего каких-то полголовы да пару пудов, интуитивно чувствовал присутствие рядом с собой реальной опасности. Не с точки зрения окончательного вердикта и дальнейших поворотов своей судьбы, а конкретной интуитивно чувствовал угрозы зверя, залегшего рядом. Как ощущение взгляда снайпера меж лопаток, как уверенное чувство заминированной тропы среди руин, как подгоняющее дыхание сидящего на хвосте спецназа. И именно поэтому Деркулов ему – не верил.

– Павел Андреевич! А ножичек-то у вас пендостанский⁷... – иронично прервал затянувшееся молчание Деркулов. – Непатриотично как-то получается.

– Да... – хитро улыбаясь во весь сияющий фарфором ряд, ответил он. – Говорили мне. Вот из-за него, наверное, все никак на повышение не иду. Все мои однокашники давно уж в лампах выпендриваются. Один я по просторам старой родины кукую. Да, знаешь, расставаться – жаль. Считаю двадцать лет как подарили – прирос ко мне.

Со смачным шелчком курносый клинок юркнул в латунно-деревянный гробик рукояти и, сразу потерявшись в широкой лапе, привычно утонул в кармане.

– У меня тоже один был – любитель этого дела. Этот бы оценил по-взрослому.

– Был, говоришь... Ну дык – о былом. У меня, Кирилл Аркадьевич, вот какое дело сегодня вырисовалось к тебе. Говорим мы с тобой почти неделю, а договориться толком не можем. Нет, нет! – отмахнулся он от удивленного взгляда и поднятых бровей... – То, что ты готов сотрудничать с Главной военной прокуратурой Российской Федерации и изложить все свои воинские подвиги, как ты сам говоришь, «в любой форме», вне всякого сомнения, хорошо. Но... Ты меня прости, Деркулов... – Он, немного изменив угол корпуса, тут же навис над столом. – Только я, хоть убей меня саперной лопаткой в лоб, не приму в толк, какого ляда тебе понадобилось заявлять о согласии на этапирование в Нюрнберг? На ненавистную тебе Европу захотелось взглянуть или лавры Милошевича глаза застили?

⁷ «Пендостан, Пендосия, пендосы» (*жарг.*) – презрительное наименование США и американцев, распространенное в среде русскоязычной «патриотически настроенной» части населения постсоветских республик.

– Павел Андреевич! Ну к чему этот разговор?! Свою позицию я и вам, и Анатолию Сергеевичу изложил раза по три. Добавить свыше – просто нечего. Мне что вам теперь отвечать: «Ничего говорить не буду, начальник»? Так, что ли? Или – как?

Нагубнов уже отвалился на свой стул. Что-то его реально беспокоило, но что именно – понять было невозможно. Явно, что источником раздражения служил вовсе не Деркулов.

– Ты не колотись. Показания, ясное дело, дашь – все, никуда не денешься... – Причем в последних словах явно сквозанула неприкрытая угроза. – Дело в другом... – За пару глотков добив свой стакан, полковник что-то досчитал в уме и, видимо приняв какое-то определенное решение, сказал: – Пришел официальный запрос. До завтрашнего утра ответ должен уйти отправителю. Детали этой казуистики тебе Анатолий расскажет. Вопрос тут простой: либо ты подписываешь свое согласие предстать перед трибуналом, либо – нет. Если подпишешь, то обратного хода... – Он хищно улыбнулся. – Я имею в виду – цивилизованного, сам понимаешь, – назад уже не будет. Не подпишешь – может, и порешаем чего... по-семейному.

– А смысл? Отпустите меня, что ли? – насмешливо спросил Деркулов.

– Да ну понятно! Куда ж тебя, сердешного, отпускать. Только ты не лыбься – я еще не закончил. Кроме трибунала, тебя жаждают заполучить еще пяток государств. Причем хотят, как тебе известно, весьма конкретно. Реально хотят... Повесить, наверное... Причем не факт, что за шею! И как оно пойдет на этапе – никому не известно. И ЦУР, и Польша, и чехи с прибалтами имеют все юридические основания судить тебя, не особо оглядываясь на гуманитарное право. И меж собой они договорятся быстрее, чем мы с тобой, – тут можешь не сомневаться.

– Ну и чего вы хотите? Не подписывать?

– Да вот – думаю... – Он уперся тяжелым взглядом в собеседника. – Это, прямо говоря, от тебя зависит. Насколько ты действительно готов... выступить в этот поход... – Он опять нарос над столом. – Говорю тебе, Деркулов, то, чего говорить не должен. Считаю – за подарок. Нам ты по большому счету даром не нужен. От тебя – только проблемы. Тем паче после твоей озвученной в СМИ добровольной сдачи. Ты пачкаешь все, что находится рядом с тобой. Ты – чума! Понимаешь?

– Да как-то, Пал Андреич, и не отрицаю... – Взгляд мужика ощутимо стал тяжелым.

– Так вот, я еще раз тебя прямо спрашиваю... – Полковник приблизился ближе. – Ты – готов?

– Да. Я от своего не отказываюсь. Пойду до конца.

– Угу! И посадишь на сраку Нюрнбергский трибунал...

– Крови попою как минимум.

– Если доедешь! – Полковник встал, развернулся к сейфу и включил чайник. Вероятно, он внутренне принял какое-то решение и сейчас лишь делал в голове последнюю доводку. – Международный уголовный трибунал по военным преступлениям, геноциду и преступлениям против человечности... – С расстановкой, как бы взвешивая, оценивая произносимые слова отдельно и на вес, и на вкус, Нагубнов дернул бровями. – Ты знаешь, Кирилл Аркадьевич, может не получиться – ни подраться, ни кровушки напиться. Ты думал о таком раскладе?

– У сербов получилось. Почему у нас не может?

– Дык Запад тоже учится. И что такое твое – «получилось»? Нет Гааги – есть Нюрнберг! Какая, в ляд, разница? Только во сто крат хуже звучит. Ты же теперь... – вдруг улыбнулся он, – еще и фашист, считай!

Налив по чаю и окончательно разделавшись с лимоном, он, усевшись на место, сказал:

– Ладно. Подписывай. У нас есть месяц, потом будем посмотреть, что с тобой дальше делать. Тянуть все равно больше нельзя. Мы же тем временем запишем все, сверим, проверим. Похождения твои, по-хорошему, на год работы потянули бы. – И, набрав телефонный номер, не меняя голоса, с шутивым наездом сказал в трубу: – Анатолий Сергеевич, дорогой! Ты где ходишь-то? Заждались тебя!

С формальностями покончили минут за пятнадцать. Еще час заняло ожидание и общение с прибывшими представителями фельдъегерской службы Миссии международных наблюдателей. Деркулов вновь поставил с десяток подписей и заполнил несколько формуляров.

Всю официальную часть, не проронив ни слова, Павел Андреевич, обстоятельно расселся, словно на скамье римского форума, внимательно наблюдал за происходящим.

Анатолий Сергеевич Разжогин, напротив, был деятелен, быстр и безупречен в организации служебных процессов. Как выяснилось, он еще неплохо владел английским. Во всяком случае переводчик ему не понадобился ни разу. Он же по окончании процедур оформления и сдачи документов курьерам сразу, лишь по одному кивку головы шефа, начал установку аппаратуры – штативов видеокамеры и света. При всей расторопности и четкости в нем проскальзывало что-то искусственное, механическое. Установив и подключив штекеры к компьютеру, он сел на свое место и замер перед микрофоном взведенным курком.

Вообще вся система их взаимоотношений Деркулову была решительно непонятна. На своем бурном пути ему, правда, не доводилось находиться под следствием, и с непосредственной работой правоохранителей он был знаком постольку, поскольку, но, обладая более чем богатым жизненным опытом, уж систему-то иерархии, и не только военной, знал досконально. Здесь же все как-то сдвинулось наперекосяк.

С одной стороны, Разжогин беспрекословно делал стойку на любой жест Павла Андреевича и тут же с филигранной точностью сию команду исполнял. Только что чаек не заваривал да за пивком не бегал – лакейской угодливости и намеком не просматривалось. В то же время он ни разу не обратился к старшему ни по званию, ни по фамилии или имени-отчеству, как это обычно принято в связке «начальник – подчиненный» в армии, да и где угодно.

Внешне разница ощущалась намного значительнее. Нагубнов смотрел на мир несуетно и внимательно, подолгу задерживая заинтересованный взгляд светлых серых глаз. Он вообще весь светился спокойствием и открытостью. И без того почти лишенный растительности, выбритый до отлива дембельской бляхи загорелый череп и такое же гладкое лицо – с прямыми, мощными и крупными чертами, русые негустые брови, наполовину разреженные седой, да несколько мелких белесых шрамов как бы свидетельствовали о хозяине: «Нам скрывать нечего». Даже руки, сильные и большие, он почти всегда держал на виду. Единственное, что казалось неестественным, так это босяцкое положение сигареты «в кулачок» да хват стакана с чаем – чуть ли не сверху, всей лапой, пропуская ручку ложки сквозь указательный и средний палец.

Анатолий Сергеевич, ровно вдвое тоныше в кости и младше по возрасту, ростом догонял начальника. Темные, почти черные волосы на пробор примерного тимуровца, вечная синь на щеках, аккуратные, математически точно обрубленные со всех сторон и от этого невыразительные усы, стремительность в темном взгляде и движениях хорошо смазанной машины – все эти отличия разделяли их, наверное, сильнее, нежели служебное положение в ведомстве.

Деркулов же со своей двухнедельной щетиной на правильном, немного тяжеловатом лице, с короткой, зачесанной назад, не скрывавшей обильной изморози на каштановом фоне стрижкой, с квадратным, заземленным телосложением внешне заметно отличался от обоих.

Но было нечто, успевшее за эти несколько дней протянуться между задержанным и пожилым полковником. Некая связь, обусловленная, возможно, более близким возрастом, а скорее всего, единой для обоих, навечно выжженной в глубине глаз незримой печатью «человека с прошлым».

– С чего начнем? – неторопливо раскладывая на столе десяток по-чертежному отточенных карандашей да хорошую пачку писчей бумаги, спросил полковник. – Ну, что молчишь, Деркулов, выбирай историю... У тебя их с избытком, поди.

– Да мне как-то все равно, с какого места начинать. Спрашивайте...

– Вот видишь, Анатолий Сергеевич, на тебя вся надежда – командуй.

Разжогин, словно и не замиравший ни на секунду, тут же включился в работу:

– Тема номер один, проходящая по всем запросам, – «Сутоганская бойня». Поскольку задержанный дал предварительное согласие на освещение любого события, участником или свидетелем которого являлся, то предлагаю начать именно с нее.

Ответом стало общее молчаливое подтверждение.

Анатолий Сергеевич минут за несколько управился с традиционным, неоднократно озвученным инструктажем дачи официальных показаний, не ленись, каждый раз полностью произнося священную мантру новообращенного в современные технологии адепта: «при материально-техническом обеспечении процесса дачи показаний с использованием средств акустической и визуальной фиксации следственной информации». После чего, ткнув куда-то в ноутбук, включил всю технику и, отдельно зачитав Деркулову «права и обязанности», окончательно разделался с вводной частью:

– Итак...

Глава II

Шахта «им. XIX партсъезда»

С самого детства, как и всякая «сова», я ненавижу, когда меня будят спозаранку. Тем паче вот так, по-собачьи, трясая за плечо. Да еще во время долгожданного провала в теплый, обволакивающий черный кисель без живых картинок, чужого надсадного кашля, придушенного шепота и обычной возни перед печкой. В придачу – вымучен да тело измочалено... И уж тем более невыносимо, когда это делают подчиненные!

Вырываться из сонного варева все равно пришлось. Да и в пошагово включавшемся сознании вовсю ворочалась чуйка, а это такая подруга – свое возьмет. Наверняка знал – подниматься придется надолго и всерьез, не поспать уж сегодня...

Меж двухсотлитровой стальной бочкой с раскрасневшимся жарким боком и стопой сложенных дверей в дерматине на корточках сидел взводный-один Юра Жихарев. Отсвечивающий в темноте светлым, сложенный вдвое лист бумаги в его руках да набитая «во все дыры» разгрузка⁸ угодливо свидетельствовали о непогрешимости интуиции, самовольно взявшей шефство над изнасилованным нескончаемой усталостью мозгом.

Слишком небрежно скинув ноги с импровизированного подиума, я быстро и неаккуратно сел. Скривившись и присвистнув от резкой боли, развернулся. Служивший одеялом кусок брезента сполз на пол и прямо под берцем высветил размашистую табличку в золоченых виньетки: «Генеральный директор ГП “Родаковоресурсы”».

– Видал, Юрец: Педаля постарался... Даже под жопу командиру – генеральскую дверь! А ты говоришь: «растяпа»...

Тень чуть шелохнулась на слабо мерцающем фоне.

– Если эта мандавошка через пять минут не поставит к воротам «ГАЗон», я к его бестолковке эту табличку шурупами прикручу!

Ну, благодушия от Жихаря ждать, – что кота грамоте учить. Тем паче по отношению к такому подарку, как Виталя Жук. Ну да и ладно, проснулся уже, включился, можно не морозиться.

– Давай...

Юра протянул листок и подсветил сверху.

Текст со всей очевидностью подтвердил – начинается!

На обратной стороне какой-то бухгалтерской шифрограммы времен Золотой Родаковской Эры корявым почерком было начертано три строки: «Митя! Звонила мама. Они уже в Воронеже. У них все хорошо. Выберись за два-три дня ко мне. Возьми две сумки, передам тебе продуктов».

– Радио?

– Да... «Славяносербск-FM».

– Сколько там?

Юра блеснул фонариком по руке:

– Двадцать один тридцать две.

Блядь! – нет, это просто подлость какая-то – только отрубился!

– Ты, Денатуратыч, Дэн, Антоша с Малютой и Бугаем, ну и еще пару хлопцев возьми, грузиться. КамАЗ и «шестьдесят шестой» – на выезд. Салимуллин за старшего. Его и Кобенька – ко мне. Пять минут на сборы, максимум...

⁸ Разгрузка (сленг.) – разгрузочный жилет, используемый для рационального и удобного размещения на теле военнослужащего различного рода вооружения, боеприпасов и снаряжения.

В послании все понятно и просто. Неясен только такой уровень секретности. Радиосвязь работает нормально. Мобильники – тоже. Нет же, передали команду через «Вести от близких» – местную ежедневку для беженцев. Тогда почему общий вызов «Митя» – это все подразделения и приданные группы комбрига Буслаева? Может, из-за «продуктов» – две машины с собой? Но тогда что за спешка – двадцать-тридцать минут? Ладно, разберемся...

По мрачному подвалу некогда швейного цеха, переступая в темноте через бойцов и оружие, вышел в гулкий коридор. У полуразрушенного лестничного проема в лицо дыхнуло промозглой сыростью. Не вдохновляет! К неистребимой вони пожарища, солжары с краской и сотни наповал убитых портянок привыкнуть можно, к барахтанью в ледяной грязи – нет. А покувыркаться не сегодня завтра придется как пить дать.

У бокового входа в то, что некогда было центральной управой базы, перед грузовиком стояло несколько человек. Навстречу выступил Жихарь.

– Все на месте. КамАЗ на АТП. По пути заберем.

Пока народ лез в кузов, поставил командирам групп задачу на время отсутствия. Узнав, что едем в штаб, Кобенька сразу заволновался:

– Аркадьич, так может, и я?

У мужика жена, взрослые дети, внуки – вся куча-мала домочадцев обреталась у родни где-то под Новым Осколом. Не было случая, чтобы он не воспользовался возможностью позвонить. Потом, наговорившись до матерного ора связистов, упорно гонял бойцов, мрачно приговаривая: «Тяжко в учении, проще в лечении». Сегодня им повезло, ему – нет.

– Степаныч! Не задирай, прошу тебя! Не сейчас... – Под шестьдесят дядьке, и отказывать неудобно, и сам мудаком себя чувствуешь.

– Броню – подогнать под бугор?

Еще один! Старая песнь Салимуллина... Понимаю, что прав, но как расскажешь, не обидев, что у меня приказ «на ухо»: даже ссать под себя. Ему же машины подай на боевое охранение и отряд рассредоточь. Видите ли, пятьдесят человек в одном подвале не годится. А то я, бля, не знаю! Вообще за «пиджака»⁹ держат...

– Салам, брат! Как мне тебе, не посылая, втолковать, что мы будем сидеть в этом подвале, вот так, как крысы, до тех пор, покуда нужно будет? А?

– Ладно, не заводись. Как лучше хотел...

– Да не заводжусь я... Жопа болит, сил нет.

– Здесь Илья за старшего, а первую группу и управление давай ко мне, на АТП?

– Василь Степаныч, уймись! Все будет как есть... Идите, в нарды погоняйте, водочки накатите и ждите меня с новогодними подарками. Лады?

Тут не выдержал Жихарь:

– Спасибо. Наелись уже. Поехали, время!

– Педя! Я человек добрый, ты знаешь. Еще раз толкнешь локтем, переебу!

Не воспринимая шуток ни в какой форме, Жук отодвинулся к самой двери и, развернувшись, стал втыкать передачи, словно вымуштрованный боксер: не отрывая локтя от печени. Редкое дурко, конечно, но водила – каких поискать. За что и терпели. Даже Жихарь спускал «Педалику» если не все, то многое.

Взводный доехал, стоя на подножке, до АТП и пересел в КамАЗ. Сзади в кузове, нахвалившись в воротники, тряслась остальная братия. Можно было бы, конечно, встать в крутую

⁹ «Пиджак» (сленг.) – насмешливое наименование в армейской среде офицеров, выпускников гражданских вузов с военной кафедрой.

позу и приехать всей толпой на «Патроле»¹⁰, но такие понты чреватые. Армейское начальство не меньше полевиков¹¹ джипы ценит, и они им, понятное дело, нужнее. Тут даже не обсуждается.

Ехать от родаковской базы до Сутогана минут пятнадцать – двадцать, да пяток еще меж остовами корпусов шахты «им. XIX партсъезда» добираться до подземелья штаба группировки. Успеваю...

Приняв на грудь при посадке пару глотков коньяка из Юриной фляги, я, уютившись полулежа, с удовольствием закурил. Недаром убежденные воинской мудростью старшие товарищи говорят, что «свежак» значительно лучше, чем «перегар». Денатуратыч, непререкаемый эксперт в этом вопросе, даже развернутую теорию выдвинул, включавшую в себя бесспорные доводы от «не так заметно на начальственном фоне» до утонченно-психологического этюда на тему «раз выпил – значит, любит отцов-командиров – как на праздник к ним идет».

Интересно, где Жихарь коньяк надыбал? И молчал же, гад. Впрочем, он все время молчит. Пусть молчит. Значит, надо ему – так. Пусть переварит все. И сколько бы Степаныч заботливой насадкой перья ни растопыривал, курятник охраняя, а будет как есть. Или притрутся, или сцепятся. Не хотелось бы, чтоб сошлись всерьез, тогда точно кто-то кого-то грохнет. Я даже знаю, кто и кого... Плохо. Хороший мужик Ильяс.

Вчера – за малым... И ведь не хотел расслаблять народ – ясно же, не шары гонять нас сюда кинули. Да только после недель болот и мокрых засад по приречным балкам квадрата Боровское – Нижнее – Трехизбенка – Новоахтырка надо быть последней сукой, чтобы не дать людям пар выпустить.

Ну да ладно, развести подальше, а там – кривая выведет. Мужики нормальные, а то, что у каждого свой рубец на сердце и пуля в голове, так никуда не денешься. Можно подумать, Саламу в кайф, что он тут за весь Крым перед каждым, кто за нож или ствол хватается, отдуваться должен. Нашли крайнего!

Да, по-честному мне вообще повезло с офицерами. Взять того же Кобеньку. Нянится со всеми, разводит. Без него тупо – вешайся. Чего я сам, как армеец, стою по сравнению с ним? Он подполковник! Артиллерист! И я – сержант с перерывом в четверть века. И сколько кому научил?! И незаметно как, авторитета не роняя. Про технику просто молчу. Не было бы Степаныча, ничего бы не было. Кто машины с земли поднял? Ладно, БТР, почитай, новый, а ума ему дать! Кто?! Возненавидевший все на свете рубила и волкодав Жихарь? Всю молодость, высунув язык, промотавшийся в «уголке»¹², но так и не дослужившийся до козырной должности по-прежнему старлей Салимуллин? Или бредящий суперфугасами изувеченный прапорщик Передерий?

Зато Денатуратыч из любого говна сделает заряд, а из трех мин, пары канистр и кучи хлама – непреодолимое инженерно-заградительное сооружение. Ну, если не нажрется, конечно. Ильяс поведет группу в любую жопу и, не моргнув косым глазом, выведет всех обратно, не бросив ни одного – хоть живого, хоть мертвого. Просто без нервов чувак. Про Жихаря – вообще молчу.

И вовремя-то как пацаны пришли в группу! Слава тебе, господи, что пришли! А сегодня без них ни в отряд бы не выросли, да и сама группа заслона наверняка слегла бы где-нибудь если не в Кременских лесах, то в Северодонецке – точно.

Вот уж где досталось, что называется, и в хвост, и в гриву. Как вспомнишь – так вздрогнешь...

¹⁰ Имеется в виду внедорожник семейства автомобилей Nissan Patrol.

¹¹ Полевики (сленг.) – полевые командиры отрядов и групп неармейских формирований, широко использовавшиеся в боевых действиях вооруженными силами всех республик Восточной Конфедерации.

¹² «Уголок» (жарг.) – уголовный розыск.

* * *

Труднее всего решиться. Когда же самому себе скажешь: «Все – больше не могу» и сделаешь первый шаг, тот самый, после которого возврата нет, – тебя сама Судьба за руку ведет. Все само выстроится так, как надо. Вот и со мной – так же.

Заявил, не затягивая, разругался в пух и прах со всеми и, добившись своего, ушел. Только благодаря уникальному стечению обстоятельств – военному перевороту и резкому взлету старого институтского друга от начальника управления пропаганды до члена Военсовета Республики – вместо «абы куда» попал, куда и должен был попасть, со старта принялся формировать собственную группу. И не просто так, а изначально приданную командиру отдельного «штурмового» полка.

Никто не понял и не принял такого поворота. Почему-то народу казалось, что война если не вот-вот, то по крайней мере очень скоро закончится. Но мне, в силу должностных обязанностей начальника службы контрпропаганды сидящему на всех информационных потоках, было понятно другое.

В середине лета ситуация на фронте дошла до той точки, когда наступать фашикам¹³ взрослому еще не с руки, а ждать дальше – больше некуда. Блестящий блицкриг ЦУРа при массовой поддержке всего контингента «младоевропейцев»¹⁴ закончился на подступах к Луганской области. Хотели грозно грянуть в литавры, а вместо этого – лишь протяжно пукнули. Решительной победы не получилось, зато вони – на весь мир. Сам поддавал, статьи тискал, знаю.

Со Слобожанщиной и Донбассом тоже не разобрались, но зато показали себя во всей красе. Точно по политинформационным лекалам моей пионерской молодости: «Звериный оскал воинствующего империализма». Это вам не замырэння¹⁵ Новороссии, где обошлось почти полюбовно, не считая вызвавших поначалу столько крика относительно бескровных полицейских операций да громких арестов с пальбой в воздух и массовой укладкой народа мордами в асфальт в Днепропетровске, Запорожье и Причерноморье.

И пока в Крыму все плотно и окончательно зависло в нерешаемом клинче, решили наши свідомі¹⁶ ребятушки, справедливо опасаясь открытого вмешательства России и Турции, разобратся с Конфедерацией. Да вот – облом вышел. На востоке их встретили уже не так, как в лояльных, почти правоверно окраинских¹⁷ образованиях. И хваленый поход за «Национальную Едність»¹⁸ окончился затяжными городскими боями, сожженными поселками, тысячами убитых и неисчислимыми беженцами.

¹³ «Фашики» (*жарг.*) – производное от «фашисты». Презрительное наименование войск Объединенных сил контингентов Сил оперативного развертывания и группировок Центрально-Украинской Республики.

¹⁴ «Младоевропейцы» – неофициальное название ряда стран, молодых членов ЕС, активно поддерживающих европейскую политику США. Лидером этого движения в период войны в Украине выступала претендующая на доминирующие позиции в Восточной Европе Польша. Кроме планомерной поддержки курса Америки на раскол и ослабление Евросоюза, она параллельно реализовывала собственный проект по созданию буферных зон между собой и РФ в виде протекторатных или дружественных государств: Республики Галиция и Центрально-Украинской Республики, а также зон «управляемого хаоса» – в республиках Донбасс и Восточная Малороссия.

¹⁵ «Замырэння» (*укр.*) – замирение. Официальное название первого этапа военных действий ЦУРа против военных и ополченских формирований Восточной Конфедерации.

¹⁶ «Свідомі, свідомість» (*укр.*) – сознательные, сознательность. «Сознательный украинец» – одно из базовых понятий украинской самоидентификации.

¹⁷ «Окраина, окраинцы и окры, окраинский» (*жарг.*) – Украина, украинцы, украинский язык. Презрительные наименования, вошедшие в обиход на территориях Конфедерации с началом боевых действий.

¹⁸ «Національна Едність» (*укр.*) – Национальное Единство. Один из основополагающих принципов официальной политики ЦУРа.

ЦУР и бронированные армады СОРа, несмотря на море суперсовременного оружия, абсолютное превосходство в технике, полное и безраздельное господство в воздухе, добились не многого: разрезали Слобожанщину по линии Красноград – Изюм да раскололи Республику Донбасс по линии Краматорск – Артемовск. Ну и еще из неприятного – оседлали связанную со всеми внутриобластными трассами магистраль Е40/М-04. Если они дойдут по ней до Дебальцево, то сядут и на вторую магистраль Е50/М-03, именуемую у нас в народе «Ростов – Воронеж». Из стратегических артерий останется у нас только Бахмутский шлях. Там ворота – Северодонецк, и прямой выход степью на Луганск.

И вот на выдохе операции оказались наши архистратиги перед дилеммой: расколоть Луганщину в ухнарь или, как образно выразился «Команданте» Буслаев, «изъебнуться»?

Разрезать правильно, то есть по центру, на север и юг, у них один раз в Донецкой не получилось. Подобный сценарий вполне мог повториться и при прохождении линии Алчевск – Луганск – Станица. Кроме того, прямое заявление России о начале крупномасштабной военной помощи вплоть до ввода собственных «сил оперативного развертывания» в случае продолжения геноцида русского населения непризнанных территорий немного охладило горячих брюссельских парней и их киевских шестерок.

И тогда, почесав чубы, решили наши наследники запорожских браткив – лыцарив¹⁹ кистеня и баула – попробовать иначе. Пробить конгломерат Рубежное – Лисичанск – Северодонецк и потом по малозаселенным, тяжелым для обороны степным просторам, через крошечный одноэтажный Ново-Айдар, триумфально дотопать до пограничного выступа у села Городище. Кроме того, у них под контролем бы оказалась прямая трасса на Луганск – Бахмутка, и попробуй ее удержать в чистом поле.

Если бы у них получилось, то Конфедерация была бы разрублена надвое. Более слабые сельские районы под СОРОВскими танками, ЦУРОВскими военными и милицейскими частями быстренько легли бы под признанное мировой общественностью «конституционное правительство» и покорно раздвинули бы ноги. Остальных передушили бы в городах – по очереди. Ну разве что мегаполисы Харьков и Донецк еще какое-то время продержались бы на подкожном жиру. Только долго ли?

Как последний вариант сопротивления у нас рассматривался вопрос отвода всех боеспособных частей на линию конгломерата промышленных городов: Красный Луч – Антрацит – Свердловск, да, возможно, вкупе удержали бы и Краснодон с сателлитами. Крепкий тыл донецких и близость с российской границей, возможно, и помогли бы закрепиться на этом рубеже. Да вот только до отчаянья плохо, когда рубеж – последний.

Пока с обеих сторон начали концентрацию войск, мою только собранную по крохам группу официально придали еще просто комполка и пока совсем не легендарному подполковнику Буслаеву. Задача была проста, как кол: шариться в треугольнике Северск – Кременная – Золотаревка и совместно с другими группами заслона засадными действиями остановить выход к подступам городов разведки, артиллерийских и авианаводчиков, а также прочих элитных частей противника.

Надо еще учесть, что в группе двадцать один человек с командиром, из тяжелого вооружения один старый РПГ-7²⁰, да на всех – ни одного пулемета, ни одной самой затрапезной снайперской винтовки и ни одного квалифицированного специалиста в ряде таких необходимых в подобных мероприятиях дисциплин, как минно-взрывное дело, техническая и радиоразведка. Да что там говорить, на девятнадцать автоматов – ни одного подствольника²¹. Двое вообще без оружия! Даже примитивные самопальные растяжки поставить не из чего: на всю толпу –

¹⁹ Лицар (укр.) – рыцарь.

²⁰ РПГ-7 – реактивный противотанковый гранатомет калибра 40 мм.

²¹ «Подствольник» (сленг.) – ГП-25, подствольный гранатомет калибра 40 мм.

пять гранат. Офицеров – настоящих, кадровых – тоже нет. Прибавив сюда площадь района – оквдраченных километров так под сто – да условия – реликтовые леса у поймы Северского Донца, – нетрудно догадаться об эффективности наших походов за вражеским спецназом.

При всем том что у меня мужики почти все отслужившие и чуть ли не треть – «братья афганцы», всех побед – два обстрела вражеских групп с неподтвержденными результатами. Примерно такое же положение было и у других отрядов. Успехи – соответствующие.

Чуть лучше дела обстояли в полку. Опираясь на данные, получаемые от группировки и собственной разведки, постов и блоков прикрытия района, успев отладить хоть какую-то систему взаимодействия с местными органами власти и поселковыми отрядами самообороны, Буслаев, давая возможность самостоятельным отрядам и группам организоваться и набраться опыта, использовал нас, как он сам говорил, «на подхвате».

Только вот задних пасти как-то не с руки. После второго выхода я добрался до кунга связистов полковой секретки и, воспользовавшись статусом бывшего аппаратчика правительства Республики, дозвонился до Стаса.

В тот же день ближе к вечеру в Приволье – расположение штаба – въехала целая кавалькада из надутого важностью джипа и двух грузовиков. Комполка, поняв, откуда ветер принес высокое начальство, несколько раз очень по-доброму на меня зыркнул, но так ничего и не сказал – у Станислава Эдуардовича, моего однокашника еще со студенческой скамьи, мозги были поставлены правильно, и он точно знал, как правильно кормить овец, не вызывая плотоядной зависти у волков.

Кравец быстренько перетер с командирами, что-то показал на машины и, кивнув своей охране, двинулся ко мне. Обнялись.

– Как ты? Назад когда попросишься?

– Да нет, Стас, спасибо. Ну его на хер, ваш террариум... – тему надо было срочно менять: мой фортель с уходом в боевые он, по старой дружбе, хоть и понял, но отнюдь не принял. А власти у него было всегда – выше крыши, а тем паче сейчас – после беспрецедентного переворота командарма Скудельникова.

Понятно, что он опасался за друга, но еще более ясно, что Стасу край как не хватало на посту руководителя службы контрпропаганды такого фрукта, как насквозь прожженный Деркулов. Но и меня подковерный маразм нашего горячо любимого правительства достал сверх всякой меры. Так что лучше перетягивание интеллектуальных канатов отложить на будущее.

– Ладно! Потом, брат, поговорим, а то меня Буслаев после твоего отбытия с говном сожрет. Чем порадуешь?

– Да так, привез тебе военного барахлишка всякого чуток. С Иванычем, понятно, поделился – тебе крохи остались; так что не съест, не бойся. И народу – конкретного, пару человек, тоже выпарапал, даже не спрашивай как.

Я заглянул через его плечо. У джипа члена Военного Совета Республики (вслух именуемого самими военными не иначе как «высер») стояло трое.

Какой-то затрапезный скособоченный дедок, присев, что-то писал в тетрадку. Рядом, с разбитой в баклажан мрачной рожей, стоял расхлыстанный, как будто его целой псарней травили, рослый парень лет за тридцать. И наконец, сразу за стариком бесформенным утесом высился третий – явно деревенское сурло размером аккурат с трактор, на прицепе которого его два десятилетия назад папка с мамкой зачали под пропахнувшим молоком и навозом распахнутым деревенским небом.

– Ты че, бля, прикалываешься?

– Ни капельки, дружище... – он улыбался во весь рот. Глаза откровенно говорили о том, что он действительно не шутит. – Ты мне за каждого из них потом коньяк поставишь и в ножки поклонись. Народ – конкретный, говорю тебе.

– Угу... И в чем «конкретика» этих клоунов?

– Вот тот, что с гротеском, – Иван Григорьевич. Фамилия – Передерий. Инструктор-подрывник. Дончанин. Гвардии старший прапорщик. И не отставник – с корабля на бал! Да еще и доброволец... – Подумав мгновение, Кравец добавил: – После лагеря, смотри не телепай мужика.

– Да он же старик!

– Кирьян, не тормози, о'кей?! Ему годков чуть больше нашего. Говорю тебе – в лагере изувечили. Ну, и еще... охлостили его там. Он уже после больнички пришел... – Выдержав паузу, Стас добавил: – Из России пришел. Сам.

– Ни фига себе... Остальные?

– Бугай, не поверишь – фамилия такая, прибился к этим на губе. Сидел за какую-то хрень. Вроде дезертир. Думаю, бык здоровый, тебе пригодится... – Стас достал сигареты, угостил меня и, смачно затянувшись, продолжил: – Что до последнего, то тут тема отдельная. Хочешь, верь, хочешь, нет. Юрий Константинович Жихарев. Бывший командир разведвзвода или, кажись, даже роты, выпускник Рязанского десантного, ветеран Чечни, старший лейтенант запаса, кавалер правительственных наград, беженец-крымчанин, ну и доброволец, знамо дело!

– Эт как же его угораздило-то так: и в Чечню, и крымчанин?

– Вернулся, говорит, на историческую родину, как с армии ушел... – Стас подумал и продолжил: – Пацан подрасстрельный. Взят под мою личную ответственность. Не подойдет тебе – сам шлепнешь. Учитывай.

– Нормально! И за какие подвиги такая слава герою Кавказа?

– Не смешно. Что он там натворил и почему ушел из армии, я не знаю. И никто не знает. Сам – молчит. Под трибунал попал из-за Передерия.

– Это как?

– Ты же знаешь, какой сброд в батальонах формирования? Беженцы, добровольцы, дезертиры насильника²², шпана всякая неприкаянная. Вот несколько таких кавалеров параша решили прояснить вопрос о «пробитости»²³ Передерия и вообще, как именно его «опускали». Он, конечно, подорвался, дошло до рук, а тут, как назло, Жихарев. Мне комбат рассказывал. Говорит, тот взял со стола обычный кухонный нож и молча выпустил двоим кишки. Кореша за стволы. Этот – тоже. Еще один прибалтанный – с прострочкой в требухе. Народ тупо стал в окна выпрыгивать. Дальше – как обычно. Ты помнишь, как Скудельников на уголовщину смотрит...

– Да уж. Это вам не правительство вывести во дворик областной администрации и к стеночке поставить...

– Так, Кирьян, пошел в жопу!

– Ладно. Мне ваша команда нравится, ты знаешь.

– Берешь людей?!

– Беру, конечно! С такой-то презентацией... Что с оружием?

– Ишь какой! За оружие, брат, коньяком тебе не расплатиться – будешь девок искать и сауну.

– Да без проблем. Отзвонюсь Светке, узнаю, каких именно тебе подбирать.

– Му-дак!

– Да я знаю, Стас. Сорок с лишком с этим живу. Как она?

²² «Насильник» (*жарг.*) – насильственная мобилизация в воинские части ЦУРа, имевшая широкое применение, как и дезертирство призванных таким образом военнотружущих. Термин пошел с ЦУРовских тюрем, зон и лагерей, откуда и были сделаны первые массовые мобилизации.

²³ Вопрос о «пробитости» – то есть был ли он изнасилован в концентрационных лагерях. Изнасилования посредством деклассированных элементов широко применялись в лагерях в качестве давления на заключенных при тотальном попустительстве всех правозащитных организаций, стоявших исключительно на стороне признанного мировым сообществом ЦУРа.

– И не спрашивай... Задрала! С твоей, кстати, часто видится... Не Ростов, а деревня какая-то. В общем, в две струи мне мозг долбят. Заметь – извращенно! А я – за двоих отдуваюсь. Тебе, сучара, в ломы позвонить бабе? Да?!

– Все, на хрен, закрыли тему. С оружием как?

– Закрыли! – перекинул меня Кравец. – Сейчас закрою лавочку и поеду назад. Дрочись дальше с чем есть.

– Стас! Ну не парь, ладно! Что привез?

– Привез... Два ящика мин, взрывчатки и всякого такого. Передерий сам выбирал – достал конкретно. «Кончар», ПК, АГС, две СВД²⁴, десять подствольников и – для тебя, жаба, персонально – спарку «Шмеля»²⁵. Довеском – гранаты, патроны и прочее барахло. Начальнику тыла лично при случае в ножки поклонись. Можешь еще и отсосать, конечно. На будущее – не помешает!

Блядь, обиделся. Ну все... только к вечеру отойдет.

– Ладно, Стасище... прости, братишка. Тут всё – один к одному. Не дуйся. И спасибо тебе!

– Да куда там, на тебя обидишься... Поехал я – время. Да! Алене что передать? – Кравец стоял, выжидающе смотря мне в глаза. Две бабы реально могут достать кого угодно, даже навороченного члена правительства воюющей против всего мира непризнанной республики.

– Скажешь – нормально все. Малой я звонил в Воронеж. И ей – отзвонюсь. Пусть не колотится...

Обнялись на прощанье. Мой высокопоставленный друг сам уселся за руль, на заднее сиденье полезли бойцы. Дема, начальник охраны, незаметно приподнял бровь, кося глазами на шефа. Я, скорчив сочувствующую морду, молча развел руками, мол, хозяин – барин. Поговорили, однако. Он ловко упал на передний диван, франтовато уронил меж ног АКМ²⁶ и без слов, прощаясь, в знак приветствия растопырил пятерню.

Наше оружие и припасы народ уже выгрузил. Над раскладкой стоял Дзюба и, матюгаясь, отгонял особо любопытных.

Пора было принимать пополнение. Подошел...

– Моя фамилия Деркулов. Я – командир отдельной группы заслона, в которую вас привезли. Сначала – разговариваем, потом – принимаем решения. Итак... Ты – Бугай? Правильно?

– Ага...

– Не «ага», а «так точно». Как звать-то?

– Мыкола.

– И откуда ты такой – гарный хлопэц?

– З Мыколаивкы. Волновахського району.

– Донецкая?

– Ага...

– Понял... Служить будешь или сразу – в бега?

– Ни... Буду.

– А чего дезертировал?

– Та... били.

²⁴ «Кончар», ПК, АГС, СВД – ТК СВ «Кончар» – тактическая крупнокалиберная снайперская винтовка калибра 12,7 мм; ПК/ПКМ – пулемет Калашникова (модернизированный) калибра 7,62 мм; АГС-17 «Пламя» – автоматический станковый гранатомет калибра 30 мм; СВД – снайперская винтовка Драгунова калибра 7,62 мм.

²⁵ РПО «Шмель» – реактивный пехотный огнемет. Состоит из выюка с двумя одноразовыми контейнерами с выстрелами. Боеприпас термобарический («объемно-детонирующий», или, безграмотно, «вакуумный»). По мощности примерно сопоставим с осколочно-фугасным снарядом калибра 122 мм.

²⁶ АКМ/АКМС – автомат Калашникова модернизированный (специальный) калибра 7,62 мм. Наряду с АК-74 калибра 5,45 мм являлся основным стрелковым оружием войск Конфедерации и ЦУРа.

– Понятно. – Развернулся к своим: – Дзюба! Олежа, прими пацана. И покорми – сразу...
Вы. Передерий. Иван Григорьевич. Правильно?

– Так точно!

– Иван Григорьевич. Все просто. Здесь никого не ебет ваше прошлое и почему вас сюда перевели. Отвечаю! У нас – только добровольцы. Отморозков нет и не будет. Подрывник нам необходим, вы даже не представляете себе как. Жить будете соответственно. Если решите остаться – буду рад.

– Да ничего. Все нормально. Я – с радостью! – Он немного суетился, было видно, что не ожидал такого приема и явно был польщен. Дядька действительно был чуть скособочен на правый бок и правда казался дедом, хотя, как я успел посмотреть в бумагах, ему было пятьдесят три года.

– Дзюба! Принимай командира нашей отдельной инженерно-саперной группы.

Народ радостно охнул. Передерий пошел знакомиться. Оставался последний... Парень стоял спокойно и расслабленно. Смотрел немного исподлобья. Ростом чуток повыше меня. Крепкий, мосластый, видно, что очень сильный и, наверное, резкий. Лицо разбито в сливу, постарались от души – но, кажется, ничего серьезного.

– Жихарев. Юрий Константинович? – Он лишь кивнул. Ясно – к дискуссиям не расположен.

– Буду краток... Мне нужен такой офицер, как вы. Кровь из носу – нужен! Что произошло – знаю, вас – понимаю. Ни убеждать, ни удерживать не имею ни времени, ни желания. Если захотите уйти – дам автомат и сухпай на дорогу. Если примете решение остаться – поставлю заместителем командира группы и нагружу сверх всякой меры – мне деваться некуда. Выбор за вами...

Ему потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить услышанное.

– Тот, что нас привез, сказал, что вы и ваши люди – из «афганцев». Правда?

– Да. Почти треть личного состава...

Жихарев как-то почти незаметно напрягся.

– Очень жаль, что я не встретился с вашим отрядом с самого начала.

Нет хуже пытки, чем заставить боевого офицера просить или благодарить. Слушать тоже невыносимо. Солдату патетика и мелодрама категорически противопоказаны. Надо ломать тему.

– Да мы, собственно, только и начинаем... Что вы решите, Юрий Константинович?

– Со мной можно на «ты».

– Со мной – тоже...

– Да! Без вопросов... Какие будут распоряжения, командир?

– Поесть. Переодеться. Зайти к врачам – Олежа покажет. Час-полтора поспать. Приду от комполка – поговорим.

– Есть!

За два дня, что я выторговал у Буслаева, произошло многое.

В первую же ночь исчез Передерий. Как выяснилось, пока Жихарь с Дзубой принимали оружие, народ успел накатить с дедом «за встречу». Юра, недолго думая, всем вставил по первое число и дал отбой. Но Иван Григорьевич не уgomонился. Ночью ушел на поиски чего бы «добавить». Естественно, нашел – этого добра в селе хоть до смерти залейся. Утром его нашли уже синего. С той поры к нему намертво приклеилась погремуха «Денатуратыч». В дальнейшем подобных казусов старались не допускать.

Жихарь начал пристрелку оружия и подготовку личного состава. Поделили бойцов быстро. Чистых гражданских у меня, считай, не было, так что с базой дела обстояли нормально. Вопросы всплыли только со специализацией и тактикой.

На АГС поставили Олега Дзюбу. Он же, бывший старшина пограничник, из наших, азиатов, возглавил «пулеметно-гранатометную» группу. Снайперов, вернее, тех, кого ими назначили, вывели отдельно, и они ушли ко мне – в группу управления с идеей, что я их буду при-давать отделениям по оперативной необходимости.

Деду в пару придали Бугая. Как выяснилось на занятиях, рюкзак в восемьдесят килограммов мин, взрывчатки, катушек и прочего саперного добра оказался тому не только впору, но и по силам. При всей простоте и даже какой-то бытовой хитрости (я думаю, что и сто килограммов за плечами – ему не особо в тягость) парнишка был предельно исполнителен. Ну и плюс, конечно, за ним – идейно-политическое воспитание Передерия. Мой новый зам сразу очень доходчиво, на пальцах, объяснил Мыколе, что он с ним сделает, ежели «Грыгорыч опять нажрется». Кажется, понял.

Передерий к середине дня очухался и выглядел достаточно бодро. По такому случаю он вместо общей подготовки лично для меня прочел двухчасовую лекцию на тему: «Мины как альфа и омега партизанской войны». Мужик без дураков, душой влюблен в свое дело и знает его, судя по всему, досконально. Вечером для разрядки от дневной беготни развернутый вариант этого «краткого курса» прочитали личному составу – под карандаш да с последующим зачетом у стремительно восстанавливающего свой статус Денатуратыча.

Единственной проблемой оказались снайперы. На крупнокалиберку вообще поставили Кузнецова. Антоша – один из самых молодых бойцов группы – из всех войн на своем веку участвовал только в компьютерных битвах. Но зато бывший сетевой администратор похода и влет разбирался с любыми техническими заморочками, да и стрелял до удивления неплохо. Все равно эту пушку держать лучше поближе ко мне, вот пусть и ходит в командирской группе.

На СВДшки поставили Прокопа и Старого. А что делать?! Серега Прокопенко у себя в Гардезе²⁷ дослужился до старшего сержанта и, хоть всю службу просидел в боевом охранении бригады, стрелять умел – каждому бы так. И коль уж он наотрез отказался командовать чем-либо и отвечать больше чем за самого себя, то и флаг в руки. За Вову Стародумова и говорить нечего – с той же пятьдесят шестой мужик, которая десантно-штурмовая. Только вся служба – в третьем батальоне, а Бараки-Барак – не цацки-печки, тут и говорить нечего.

Половину второго дня – пристреливали. У меня тем временем спростлось с Буслаевым – дал добро. Иду порадовать Жихаря, смотрю – сидят у оврага, курят...

– Что сидим, не стреляем?

– Отстрелялись, Аркадьич. Нормально все. Получается. Вот я бы удивился, если бы не получилось...

Заместитель командира группы все эти дни присматривается ко мне. Видимо, решил все же разок проверить на слабину.

– Кирилл Аркадьевич, тут такое дело... Ты ведь снайпером Афган начинал?

– Стрелком-гранатометчиком. РПГ – в карантине, АГС в роте. Надеюсь, ты меня вторым номером не поставишь?

Народу шутка про «второй номер» понравилась. Весело, уже хорошо...

– Ну, в снайперах-то тоже походил по зеленкам?²⁸

– Юра. У нас высокогорье в основном, а не зеленки. Год лазил с эсвэдэхой... Ты к теме давай, а то так заходишь издалече, я бояться начинаю.

– Да... рассказал бы из специфики что-нибудь, пока теоретическая часть.

Вот гаденыш! И глаза-то под синяками такие невинные. Ну ладно...

²⁷ Гардез – населенный пункт в ДРА, место дислокации легендарной 56-й ОДШБр, 3-й батальон которой был дислоцирован в районе Бараки-Барак и вел боевые действия высокой интенсивности.

²⁸ «Зеленки» – зеленые зоны в ДРА. Традиционные места засад и обстрелов колон и частей ОКСВА.

– Хорошо. Задача: представим диспозицию. Противник на открытой местности. Дистанция – четыреста метров. Вопрос: куда именно и как будете осуществлять прицеливание?

Не уловив в интонациях подвоха, Юра, соображая «к чему бы это?», смотрел на подчиненных. Первым ожил Прокоп:

– Маховичок на четыреста, по верхнему угольнику – в середину корпуса. Ну, поправки какие, если че, – там.

– Ну а ты чего – думу старую гоняешь?

Стародумов растянулся в улыбке.

– Да так вроде и есть. Чего ж там еще?

– Понял... Рассказываю. Во-первых. Маховик углов прицеливания у вас и так «на четыреста», это дальность прямого выстрела СВД, вернее, четыреста сорок метров, если я ничего не путаю. Следовательно, не хрен вообще его трогать в условиях леса и города. Вот когда будут дистанции – тоды и крути. Второе. Боковые поправки тоже не хрен лапать. Пусть стоит, как пристреляли, – здоровее будут. Тем паче – на таком расстоянии...

– Аркадьич, ну ты нас прямо как того чукчу опустил! Worse ничего руками не трогай. – Серега с Вовой, не уловив тонкости момента, откровенно развлекались.

– Не перебиваем командира! Записывать заставляю.

Ага, Жихарь, интересно тебе?! Не усидел на попе – засветился. Ну-ну... Сейчас огорошу, подожди чуток.

– Продолжаем. Третье и последнее. О чем, собственно, и разговор... Я изначально имел в виду – как осуществлять прицеливание. Не по наставлению, а по сути. Уловили? Ладно... на примере. Вернее – рассказываю... Ни в коем случае нельзя целиться в человека. Нельзя даже думать о нем как о мишени. Тупо о нем – забыть и никак – не думать! Выключить эту функцию в мозгу. Если позволяет кратность прицела и дистанция, нужно целиться в элемент одежды, в деталь экипировки, в цветовое пятно на крайний случай. Если далеко – в силуэт. Но абстрактно! Не в человека! Не думать вообще о нем как о личности, о солдате, духе²⁹, враге. Просто – никак. Полный мороз в голове... Ясно?

Только сейчас заметил, насколько пристально и внимательно меня слушают. И лица – серьезные, все хиханьки – словно ветром сдуло. Даже мой зам, кажется, сражен... Ну и шо, хлопчику, пэрэвирыв?

– А для чего – так? Это – что, мистика какая?

– Вова! Нас всех учили в одно время. Ну, может, нашего старлея чуток позже. Тогда, ты помнишь, не было такого слова, как «мистика». Мы жеть – материалисты, забыл, что ли?! Значит, мысля, что? Правильно – материальна! Уловил, старик?!

Народ продолжал осмысливать.

– Браты, если серьезно, я не знаю, почему – так. Вернее, догадываюсь, а точно – не знаю. Но – работает. Поэтому. Принял решение валить – вали! Но не воспринимай цель как живое. Все – просто. Чуток потренироваться, и начнете делать зарубки на прикладах. Говорят, с ними хорошо в плен принимают – по-доброму.

Смеются. Это хорошо. Значит – запомнят.

Вова решил добить все, что знал, до последнего:

– Это – понял, Кириллыч. Я чего-то думал, что ты про коленку расскажешь...

– Какую еще, бля, «коленку»?

– Ну, типа, бацнул в ногу, его вытаскивать – ты следующего...

– Угу, понял: «К вечеру батальон, прыгая на одной ноге, потянулся на юг».

Хоть и весело всем, а глазенки-то – горят. Ладно...

– В общем, так. Объясняю один раз. Сами напросились – теперь не обижаться. Уговор?

²⁹ Дух, душара (сленг.) – здесь: душман, моджахед – традиционный противник времен войны в ДРА.

Прижухли чуток. Хорошо...

– Про коленку. Сомневаюсь, что в жизни вам попадутся такие пляжные условия. И уж тем паче, что вам позволят сделать более чем два выстрела. Скорее всего, в обратку вы наверняка получите срочный бандероль из тяжелого гранатомета типа немецкого «Бункера»³⁰, а вероятнее, схлопочете в сопатку из самой навороченной в мире контрснайперской винтовки – 125-мм танкового орудия.

О колене как цели – просто молчу. Жизнь не кино – ведь это вы на собственной шкуре прочувствовали. Если стрелять, то в низ живота. Пулевое ранение в мочевой пузырь да сквозь пластину броника дает на редкость феерический болевой шок и очень хреновую транспортабельность – человека четыре плюс плащ-палатку или носилки. В полевых условиях пулевое в брюшную почти всегда – вилы, только не сразу. Ну, если, конечно, не задела аорту – слева или печень – справа. Ну, это – так... Запомните, пацаны, – вы не снайперы в том понимании, какое обычно в это слово вкладывают. Вам ими только надо будет стать – скоро будем в городах рогом упираться. Пока вы обыкновенная пехота, только вооруженная более мощным и точным, чем «калаш», оружием с оптикой. Не более того! Но и это не главное. У снайперов сама стрельба – дело третье или даже четвертое. Суть снайпера – в умении вычислить время и место, скрытно выйти на расстояние точного выстрела и потом благополучно вернуться живым по заранее проторенной тропе. Разведка, целеопределение, выбор и осознанное создание своей позиции, маскировка и постоянный анализ – вот что такое снайпер. Плюс нервы из проволоки, соображалка, как Антошин компьютер, и терпение, как у морской водоросли, а уж потом – стрельба, винтовки, прицелы и орден – во всю грудь.

Братишки – глазами жрут. Жихарев тоже – под впечатлением. Закрепим...

– Ладно, занимайтесь. Юра, вам еще час на стрельбу... Они у тебя с одного глаза стреляют?

– Да...

– Ну ты даешь! Отставить, на хрен, – сразу с обоих. Пусть с пупушка глаз ставят... Народ! Не тормозим – это вообще просто. Смотрите. Вы оба – правши. Вот приклад, плечо, локоть, щека... Вот прицел, вот правый глаз. Оба глаза – открыты. Сектор воспринимаешь как бы левым, а непосредственно прицеливание осуществляешь – правым. Как внутри головы – переключатель. Понятно? Попробуйте! За полчаса практики врубите, ничего сложного. Зато в деле никогда не будете слепы.

Третий загруз подряд моих в общем-то простых мужиков поставил по стойке смирно. Так, глядишь, бойцы и честь начнут отдавать. Теперь наш зам...

– Брат, ты ведь должен знать: туннельное зрение – ломать любыми средствами и без всякой жалости. Стрельба с одного глаза через оптику – самый короткий путь к «туннельке». Яволь?

– Есть, командир. Не вопрос – сделаем.

Отошли чуток, как бы провожая меня. Глянул – пацаны своим увлечены. Не выдержал...

– Ну и че, душара, – проверил?

Старлей улыбнулся, скорчившись от боли в разбитых губах.

– Святое дело, Аркадьич, нам же вместе ходить...

– Юр, в понятиях не путайся, хорошо?! Это мне с тобой – «ходить», а тебе – «с нами», уловил разницу?

– Легко! – Он опять перекошенно улыбнулся. – Ты больше народ так не грузи, с наезда. Сейчас репу почешут и пойдут назад за автоматами.

– Ничего, десантура – она к побоям привычная... – Помолчал и решил еще разок шпильку сунуть: – Ну, и не пехота, конечно...

³⁰ Гранатомет Panzerfaust с ракетой Bunkerfaust (Bkf 3).

Жихарь с интересом посмотрел на меня.

– Не любишь ВДВ?

– Хех! Кто ж вас любит-то, Юра?! Вернее, раньше – не любил, по горячему еще. Сейчас мне по хер, кто – откуда. Да и пацаны, сам понимаешь. Проехали, короче...

Он чуток помолчал по своему обыкновению и спросил:

– Кирилл Аркадьич, скажи честно, откуда ты все, что рассказывал, знаешь?

– Да нас неплохо готовили.

– Понятно... В общевойсковых, да еще и рядовому составу, такого не дают. Даже не вопрос. Тут ты, командир, недоговариваешь.

– Да нечего договаривать, вот и все. Значит, попались офицеры неравнодушные, дали больше, чем требовалось... Не грузись, лады?! Закончишь с пацанами – сразу ко мне. С Иванычем договорились – дал «добро». Сегодня готовимся. Завтра – играем.

В разговорах с Жихарем и Денатуратычем прояснились некоторые моменты. И раньше мы о них догадывались, а Буслаев, тот прямым текстом, не стесняясь в выражениях, разъяснял «откуда в жопах – алмазы», указывая на техническую разведку противника. Да и беспилотники³¹ крутились в небе с утра до ночи и с ночи до утра. Посты прикрытия, сельская самооборона и местные постоянно засекали группы и отдельных наблюдателей.

Юра мне на досуге вкратце поведал о переносных средствах разведки. Из всего перечисленного им изобилия я по собственному опыту помню лишь ночные бинокли да валявшуюся у нас в оружейке какую-то переносную РЛСку³². Правда, таскать ее с собой в горы желающих как-то не находилось, а посему «с чем ее едят» тогда осталось для меня тайной.

³¹ БПЛА – беспилотные летательные аппараты, одно из самых эффективных средств тактической разведки описываемого периода истории. На солдатском сленге – «биплы».

³² РЛС – радиолокационная станция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.